

УДК 101.1:316.33:32

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ: СОБЫТИЙНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**Фаненштиль Татьяна Владимировна¹,**
fan_tan@mail.ru**Чибири Елена Владимировна¹,**
chibirelena@rambler.ru¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Фаненштиль Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета.

Чибири Елена Владимировна, магистрант кафедры философии и методологии науки, аспирант кафедры культурологии, теории и истории культуры института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

Актуальность. В современном мире становление социальных процессов характеризуется нарастающей динамичностью и идет по пути все большего усложнения. В конструировании социальных процессов знание получает приоритетное значение, в связи с чем возрастает роль субъекта и процесса субъективации в становлении социального бытия человека. В свете современных прагматических социально-онтологических подходов социальное конструирование позиционируется как процесс трансформации социальных практик. **Цель:** рассмотреть социальное конструирование в событийной и повседневной практической динамике взаимодействия субъективации и социальной реальности. **Методология** основана на сочетании основ и приемов прагматического социально-онтологического подхода, теории практик, сравнительного анализа. Методологическим условием исследования является диалектика событийности и повседневности в процессе становления социальных практик на этапах принятия, поддержания и трансформации. **Выводы.** Практики событийности, обладая более выраженной дискурсивностью, коллективной и индивидуальной интенциональностью, организованностью, рефлексивностью, несут в себе потенциал социального конструирования и трансформации социального. Практики повседневности, обладая слабо выраженной дискурсивностью и нерелексивностью, являются пограничной социальной зоной взаимодействия природного тела человека и его социальной телесности. Социальное конструирование в повседневных практиках предельно прагматично и направлено на поддержание фона социального взаимодействия. Баланс социального в процессе конструирования обеспечивается диалектическим взаимодействием событийности и повседневности.

Ключевые слова: Социальная реальность, субъективация, интерсубъективность, социальное конструирование, событийность, повседневность.

Введение

Социальная реальность – динамический, сложный, многоканальный процесс, который находится в поле исследования различных социально-гуманитарных наук, в том числе философии, культурологии, социологии. В рамках этого концепта взаимоотношения таких категорий, как социальная интеракция, коллективная интенциональность, интерсубъективность, ценности выходят на первый план. Большую роль при этом стало

играть коллективное принятие как в осмыслении специфики существования социальных феноменов, так и в проявлении коллективной интенциональности. Во многом это объясняется тем, что концепт социальной реальности предполагает образ общественного мира как целого, коллективного, совместного для людей, которое сущностно отличается от своих частей и от индивидуального человека и не является простой суммой элементов. Поэтому в рамках исследований обозначенной проблематики важно выстроить систему категориальных отношений, адекватную современному состоянию социальной реальности.

Исследования социальной реальности сегодня в попытке рассмотреть сущность и специфику социального взаимодействия часто выстраиваются на концепциях, теориях и гипотезах тех, кто стоял у истоков социальной онтологии, и переосмысляют их на предмет социально-онтологического потенциала. Например, И. Теста модифицирует и наращивает социальную онтологию Дж. Дьюи до самостоятельной теории и полагает, что она станет оптимальным средством объяснения и изучения процессов трансформаций социальной реальности [1]. Г.Б. Шмид с группой исследователей особый акцент делают на коллективной интенциональности в рамках феноменологического подхода. Они подчеркивают необходимость возвращения к феноменологии в исследованиях специфики социальных практик. В частности, особый акцент в рамках этого подхода они делают на изучении коллективной интенциональности [2].

Также современное состояние исследований указанной выше проблематики характеризуется своеобразным подведением итогов и переосмыслением ошибок, допущенных при выборе и реализации тех или иных подходов, приведших к искажению адекватного понимания изучаемого общественного мира. Точки зрения носят зачастую противоположный характер: Б. Латур говорит об интеграции естественных и социогуманитарных дисциплин в изучении уровней социальной реальности как о естественном и внутренне необходимом явлении [3]. А. Фузари напоминает о том, что методы верификации и наблюдения, взятые из естественных наук, несомненно, технологизировали процесс изучения социальной реальности, но также и породили своих демонов, создали новую исследовательскую статистическую картину социальной реальности. Он подчеркивает то, насколько по-прежнему сложно схватить динамичность социальной реальности и изучить ее как непрекращающийся процесс социальных трансформаций, а также насколько важно это сделать. В частности, такой метод, как повторяемость, не совсем срабатывает при объяснении социальных явлений, особенно трансформационного этапа их становления [4].

Тематизация социальной реальности, в поле технологической и конструктивистской проблематики – пограничная для научного знания и во многом междисциплинарная задача. Целостность подхода для решения такой задачи может быть обеспечена системой связей различных методов и теорий. Сегодня социальная реальность мыслится в тесной связи с не менее глобальным онтологическим социальным процессом – с процессом субъективации, который в самом общем смысле может быть определен как процесс становления социального бытия человека. Человек объективирует себя в социальной реальности посредством практик, одновременно происходит обоюдный процесс конструирования социальной реальности и субъекта. В этой статье через противопоставление и сравнительный анализ социальных практик событийности и повседневности мы рассматриваем специфику социального конструирования.

Динамика процесса социальной реальности

Со времени формирования социальной онтологии социальная реальность мыслится как мир на стыке физического, психического, ментального миров, связанный с ними и выражающий свою специфику через производство действий. Основной упор делается на intersубъективные действия. Дальнейшие попытки постичь сущность социальной реальности лишь углубили первоначальную трактовку, обозначив социальную реальность глобальной средой уже не просто действий, а взаимодействий. Процесс социальной реальности – это сложное, многоуровневое, изменяющееся или стирающее внутренние и внешние границы социальное взаимодействие.

Взаимодействие понимается как первичное и обладающее как физической, так и биологической структурой, но определяющей для него, конечно, является социальная характеристика – intersубъективное действие, где главное – общность действия, его совместность, коллективность и направленность. Intersубъективное действие – это фундаментальная базовая единица социального, которая основывает все иные уровни социальной реальности и не выводима из них. Как социальная реальность не является суммой своих элементов, так и intersубъективное действие не является суммой или следствием суммы индивидуальных действий, предполагая под собой синергетический эффект.

Социальное взаимодействие надстраивается над физической и биологической телесностью и выстраивает систему габитуса – систему обычаев, привычных алгоритмов действовать так, а не иначе. При этом у событийных и повседневных действий разная степень привыкания. Так, обычай отмечать день рождения – событие, хоть и повторяющееся, но раз в году. Повседневные действия в большей степени основаны на привыкании. Они повторяются ежедневно, часто по несколько раз в день. Однако в любом из этих случаев большую роль играет распознавание действия – как реакция на произведенные действия, вырастающая на признании и доверии к транслируемым смыслам события или бессубъектным обстоятельствам производства повседневного опыта. Таким образом, выявляется еще одна сторона социального взаимодействия – любые действия в социальной реальности происходят в поле предшествующих действий, то есть всегда существует фон влияния, на базе которого что-то происходит. Всегда в социальной реальности что-то произошло раньше этого события или случая, что в некоторой степени определяет происходящую ситуацию и формирует привыкание к ее воспроизведению.

Привычка реагировать доверительно и признавать происходящее, как и привычка действовать так, а не иначе, формируется в процессе социализации, где главенствующую роль играет социализирующая субъекта группа. При этом сама привычка определяется в социальном контексте как действие, основанное на предшествующем действии, то есть при повторении действия субъект привыкает к последующим за ним действиям, ожидает их, доверяет происходящему. Intersубъективное действие, основанное на привычке, сформированной в процессе групповой социализации, не является переходом от индивидуального действия, а основано на действии по обычаю, по привычке, главное в нем – это совместная активность. Индивидуальное действие в таком понимании – «постдействие», действие более высокого социального порядка, которое вырастает на основании восприятия, осознания intersубъективных взаимодействий.

Понятие привычки в различных версиях социальной онтологии позволяет описывать социальные взаимодействия не статистически, не сквозь призму норм, а тенденциозно, что подразумевает движение, текучесть социальной реальности, и, действительно, позволяет обратиться к ней как к живому практическому процессу. Тенденциозность привычных алгоритмов intersубъективных взаимодействий также указывает на потен-

циал их преломления, а значит, на перестройку в процессе субъективации, индивидуальной позиции. В частности, П. Бергер и Т. Лукман обозначают процесс «опривычивания» как базовый процесс социального конструирования [5].

Жизненная сложность становления социального выражается посредством позиции принципиальной процессуальности, а также в многоуровневой, многоканальной структуре процесса социальной реальности. Если применить такое видение социальной реальности к изучению социальных практик, то можно проследить, насколько привычные алгоритмы оказываются далеки от статистического подхода. Иллюстрациями чему служат многочисленные культурологические примеры о привычках тех или иных народов к тем или иным социальным практикам, которые лишь формируют ожидания и обозначают границы для последующих изменений, а вовсе не выводят некие эмпирические закономерности.

Онтологический и логический уровень социального взаимодействия, подходящий для характеристики социальных практик, представляет собой так называемую «форму жизни», которая является привычной, имеет черту второй природы и в этом отношении является видом жизненных процессов. При этом, как считает И. Теста, процесс создания привычных алгоритмов фундирует социальную реальность [1, с. 18]. Однако привыкание характеризует социальную динамику далеко не полностью, это лишь фон, на котором проявляются иные уровни социального конструирования: типизация, институциализация, легитимация [5].

Анализ динамики процесса социальной реальности в социальных практиках связан с целостным процессом их «жизни». Начало и репликация социальной практики связаны с доверием, принятием, которые обеспечиваются фоном произошедших ранее действий. Само существование или воспроизведение социальной практики строится на поддержке, которая вырастает на основе принятия происходящего. Очевидно, что незыблемым фундаментом этапов создания и поддержания социальной практики является привычка. Следующим является этап развития социальной практики (трансформация). Предметом споров и противостояний ряда социальных онтологических систем является поиск решения того, как именно трансформируется социальное явление и что способствует этому.

Примером таких разногласий служат институциональная и прагматическая версии социальной онтологии. Дж. Серль в рамках институциональной социальной онтологии предлагает рассматривать трансформацию как нормативное явление, как нарушение осознаваемого правила для осуществления действия [6]. Иными словами, существует некая привычка, некое доверие последовательности действий, до определенного момента это продолжается, а потом «вдруг» заканчивается. И. Теста считает, что трансформации социальных процессов нельзя приравнивать к нарушению социальных норм. Такие правила вторичны, и поэтому нельзя на их основе объяснить все трансформации социальных действий, так как социальные действия происходят и тогда, когда социальных норм еще нет [1].

На наш взгляд, данный вопрос связан с разными уровнями истоков этапов становления социальных практик. Фон вбирает в себя действия по привычке, его сущность функциональна – воспроизведение и поддержание привычных действий, тогда как следующий уровень индивидуализации интересубъективных взаимодействий направлен на восприятие и осознание фона, на создание преднамеренных специально организованных действий. Трансформации социальных явлений – порождения высоких нефоновых социальных уровней, несмотря на то, что они всегда оказывают влияние на фоновый уровень. Для всех этапов становления социальных явлений ключевой фигурой высту-

пает субъект: на него оказывает влияние фон, это он привыкает, воспроизводит или поддерживает воспроизводство социальных явлений, а также генерирует и/или инициирует социальные трансформации. Несмотря на то, что глобально социальная ответственность не лежит на субъекте целиком и полностью (процесс социальных взаимодействий сложный и диалектический), современная позиция субъекта значительно отличается от позиции предыдущих исторических этапов становления общественного мира, где каркасом выступали структуры материальной жизни человека.

С начала XX в., со времени появления социальной онтологии, таким объединяющим началом мыслилась intersубъективность – действие, влияние, осуществляемое между субъектами и обеспечивающее коллективную интенциональность взаимодействия. Объективировать этот социальный феномен оказалось достаточно сложно, он вызывал много вопросов, проблем при попытке осмыслить и понять его и его роль в общественном мире. Возникла необходимость его переосмысления. Intersубъективность, по сути, – это генетическое условие социального взаимодействия, фонового уровня социальной реальности. Intersубъективность обеспечивает «работу» нашей «второй природы» – мира социальных взаимодействий по привычным алгоритмам. Восхождение от intersубъективности к субъективации – процессу индивидуализации действий на основании восприятия и осознания полученного ранее опыта социальных взаимодействий – целостно проявляет динамику социальной реальности от изменений на уровне воспроизводства (как простой редупликации) до трансформационных процессов.

Субъективация как процесс социального конструирования

В процессе субъективации субъект существует в новом динамическом модусе социального бытия. Этот модус противоположен застывшей, замкнутой и сторонней позиции наблюдателя. Процесс субъективации подразумевает, что субъект постоянно находится в состоянии участника социальных взаимодействий. Пребывая внутри этого процесса, он осуществляет познавательную и практическую деятельность, конституирует общественный мир через воспроизведение ценностей и действий по привычным алгоритмам, укореняется в этом мире сам через собственное восприятие, через признание и следование социальным нормам, взаимодействует, – проживает свою социальную жизнь.

Взаимодействие субъекта в процессе субъективации, в процессе осуществления социального бытия с общественным миром многоуровневое и многоканальное, оно включает такие виды, как: взаимодействие через самого субъекта, через Другого, через вещный мир, через intersубъективность (как способность к интеракции) и через социальные взаимодействия как фон (посредством уже произошедших событий, случившегося). Взаимодействие субъекта и социальной реальности носит прагматический характер в самом глобальном и этически непредвзятом смысле. Социальное взаимодействие выступает как тотальный поиск через воспроизведение и изменение привычных алгоритмов действий, направленный в конечном счете на систему оптимальных решений, оптимальной реакции на существующий динамичный мир. Привычка, через которую социальная онтология объясняет причину воспроизводства действий, позволительна как раз до тех пор, пока эти действия приводят к верной реакции, к конструктивному решению социальных задач всевозможных масштабов. Таким образом, вовсе не некая истина о социальном является горизонтом глобального процесса социального взаимодействия, а скорее прагматическая адекватность, которая предполагает, что воспроизводимое или вновь обнаруженное «срабатывает».

Подобно пониманию этой общей социальной тенденции, мы рассматриваем процесс социального конструирования как формирование социального, где затрагиваются как онтологические, знаниевые, так и практические аспекты социального взаимодействия. Сложность процесса социального конструирования объясняется масштабами и уровнями социального, некоторые из которых в определенной степени скрыты для рационализации, другие существуют в открытой для нее форме и возможны посредством конструирования с применением социальных технологий [7, с. 21]. Противопоставленными по этому основанию являются событийные и повседневные социальные практики. Познавая и трансформируя социальный мир, в этих практиках субъект меняется и трансформируется сам. Социальная реальность как сложная саморазвивающаяся система является полем постоянной возможности самореализации и становления субъекта.

Социальное конструирование в процессе субъективации по-новому высвечивает знаниевый компонент. Ряд исследователей акцентирует на этом свое внимание. В частности, И.В. Черникова активную преобразовательную роль субъекта и процесс его становления в этой роли связывает с новым постнеклассическим знаниевым статусом субъекта [8]. Разделяет эту точку зрения Е.О. Труфанова. Она также указывает на познавательную, знаниевую компоненту специфики человеческого социального мира и связывает ее с субъектностью [9, с. 101]. Основатели социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман категорию «знание» делают одной из фундаментальных для своего исследования социальной реальности и процессов ее конструирования [5]. Они считали знание и восприятие исходными механизмами конструирования социальной реальности.

Как показывает ряд социально-онтологических исследований, если на входе для процесса социального конструирования в приоритете знаниевый компонент, то в самом процессе он всегда выстраивается как технология, как механика конструирования. Возникает культурно адаптированный современности античный образ «мира из механизма», глубоким философским продолжением которого является социальная драматургия И. Гоффмана [10], а также сконструированный институциональный мир Дж. Серля [6].

В соответствии с вышесказанным, мышление человеческого субъекта находится в непосредственной взаимосвязи с деятельностью, трансформируясь в своеобразный адаптационный инструмент в борьбе за выживание и власть. Подчеркнутая К. Марксом и Фр. Ницше деятельностная природа мыслительных процессов раскрывается в философии В. Дильтея в пределах социального контекста, обусловленного «исторической ситуацией» и «социальным местом/пространством». Представленные философские концепции не утратили своих позиций и сегодня, обретая более сложный и многоуровневый смысл.

Через новый статус знания подчеркивается глобальная социальная ответственность, которая реализуется в процессе социального конструирования. Однако это также связано с онтологической характеристикой мира социальных взаимодействий – динамичностью. В динамике социальных взаимодействий субъект формирует мир, в котором существует, а социальный мир в свою очередь преобразует и осуществляет становление социального бытия человека. А.Е. Смирнов причину динамичности социальных процессов обнаруживает в недостаточности социальной реальности. Эта недостаточность также объясняет принципиальную процессуальность и необходимость постоянных преобразований на уровне форм объективации социального, в том числе и процесса субъективации [11].

Субъективация как процесс конструирования социальной реальности через событийные и повседневные практики исходит из принципиальной процессуальности и самонедостаточности социальной реальности, потенциал которой и может восполнить и делает это процесс субъективации. Это, в свою очередь, означает, что кроме недостаточности мира, есть уравнивающая социальное взаимодействие избыточность [11, с. 284–285]. Различное акцентирование в этапах становления событийных и повседневных социальных практик предполагает специфику реализации избыточности процесса субъективации, раскрывающую его конструирующий потенциал во взаимодействии с социальной реальностью.

Таким образом, социальные онтологические характеристики недостаточности и избыточности фундируют интенциональный смысл социальных процессов – достижение баланса, а учитывая ведущую роль знания в социальном конструировании как трансформационном социальном процессе, складывается понимание, что баланс достигается в процессе социального распределения знания. В социальных практиках знание распределяется сообразно этапам их существования: принятие, поддержание, и этапу изменений: трансформация.

Социальное конструирование: поле событийности

Современное миропонимание социальных процессов уже не базируется на чёткой взаимосвязи причины и следствия, требуя спонтанности, необратимости и неповторимости [12, с. 11]. В связи с этим социальное конструирование немислимо без событийных социальных практик, которые не являются чётко детерминированными, предполагают в своей реализации некоторую долю случайности и уникальность производимых действий. В распределении знаний событийные социальные практики несут в себе трансформационную нагрузку, что отражает смысловой концепт события.

Исследователи различных культурных традиций подчёркивают некую нетривиальность, переломный момент события. Множественность восприятия события как концепта вбирает в себя восприятие события сквозь призму фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, деятельностного контекста событийности М.М. Бахтина, доиндивидуальной сингулярности безличного характера Ж. Делёза, «момента истины» А. Бадью и пространственно-временного происшествия А.Н. Уайтхеда [13, с. 30].

Несмотря на некоторые языковые и культурные различия в смысловой интерпретации события в европейской и российской философских традициях [14], существуют единые основания его понимания. Объединяющие моменты в рассмотрении концепта события раскрываются посредством его многогранности, возможности его восприятия и как «воли случая»; и как «конца», который может стать отсчётом для нового начала; и как «непредсказуемую предсказуемость», и как «точку сингулярности»; и как «зрелище». Это предполагает не только необычность события по сравнению с повседневной жизнью субъекта, но и формирование в событийных социальных практиках качественно новых действий и смыслов, сопряжённых с театрализованностью и совместным интересубъективным восприятием происходящего.

Событие как социальная практика апеллирует как к гуманитарному, так и к естественно-научному знанию, представляя собой ту самую универсалию, которая способна в своей интегративной природе изменить окружающую нас социальную реальность. Находясь на границе, соединяющей оба «полушария рационального знания», событийные практики задают тенденции развития [15, с. 23]. Тот факт, что события обладают пространственно-временной характеристикой, имеют колебательный характер и флук-

туационную природу, делает возможным для данных практик определение и организацию «точек роста» действительности.

Работа с концептом события как отдельно взятой социальной практикой стала возможной благодаря обращению к субъекту, как сосредоточению конструкторов и движущих сил социальной материи. Именно субъект, в котором соединились начало всего и конец всего, стал той объединяющей силой, которая позволила по-иному взглянуть на окружающую действительность. Конечная точка события – субъект, так как раскрытие события и его уникальности возможно только через проживание его субъектом, осмысление и интерпретацию в собственной системе координат и флуктуационные изменения, как в самом субъекте, так и в социальной реальности, в которую он погружён. Событие в современной социокультурной среде становится коммуникационным каналом, построенным на мифологических, символических, архетипических модусах бытия, выраженных в знаках. В этом контексте событие предстаёт как символическое действие, обращённое к историческим, этническим, культурным и социальным основаниям действительности и направленное на трансляцию целей отдельно взятого сообщества [16, с. 151].

Деятельность социального субъекта, направленная на постижение реальности через события, создает интегративное пространство, которое измеряется в когнитивном, экзистенциальном, культурном и экономическом контекстах [17, с. 184–185]. На входе в событийное пространство социального взаимодействия организовано задаются знаниевые элементы, представленные ценностно и символически. В процессе субъективации и интерсубъективной коммуникации они конструируются в символический капитал как личностного, так и социального характера. При этом сам субъект, включенный и являющийся частью события, также оказывает влияние на его развёртывание. Событие конструирует социальное бытие человека в процессах рефлексии и осознанной деятельности как ее следствия [18]. Субъект, в свою очередь, влияет как на развёртывание события, так и на его флуктуационную природу.

В современных условиях конструирование социальной реальности в значительной мере определяется знаковыми структурами коммуникативных взаимодействий. Семиотическая составляющая коммуникации, выраженная в символах и знаках, позволяет конструировать реальность двумя путями: посредством её рационального и интуитивного осмысления и преобразования. В интерсубъективном пространстве смыслов событие предстаёт в виде формы рационального, дискурсивного бытия, где наряду с коммуникацией является источником конструирования субъекта. Интерсубъективность событийного интегративного поля характеризуется высокой синергией, интенциональностью и дискурсивностью, что даёт возможность для формирования точки бифуркации последующих изменений. Однако эта возможность обеспечивается сознательно организованными и реализуемыми событийными практиками с усиленной позицией субъекта, где нет места восприятию события как «воли случая».

Помимо дискурсивности перформативность в событийных социальных практиках также проявляет себя специфически. Рефлексия и подготовка действий субъекта фундируется фоном социального взаимодействия и вырастает еще на уровне повседневных тенденций. При этом внутренние психологические интенции должны совпасть с транслируемыми смыслами, что определит последующий эффект событийных практик. Социальное взаимодействие в рамках события тенденциозно обладает организованным характером, направленным на трансформацию существующих алгоритмов взаимодействия как с субъектами, так и с объектами социальной реальности. Намеренное обращение к телесности субъекта в организации событийных практик является необходи-

мым интегрирующим элементом. Последующая коммуникация выстраивается дискурсивным образом и требует усилий как со стороны организаторов события, так и со стороны субъекта.

Трансформирующая роль событийности зиждется не просто на знании, но знании индивидуализированном, погруженном в субъекта, отрефлексированном, а затем транслируемом [19, с. 67]. При этом событийность часто предполагает «вырванность» субъекта из повседневного пространственно-временного эффекта «здесь-и-сейчас», так как в процессе рефлексии и продуцирования новых смыслов происходит обращение как к прошлому, так и к настоящему и будущему [20, с. 1]. По сути, события не находятся в пространстве и времени, а время и пространство определяется через эти события. Если в отношении прошлого событийный контекст реализуется через пересмотр субъектом собственной позиции, то в рамках настоящего и будущего он означен формированием новых ценностных ориентиров, алгоритмов поведения и транслируемых норм, которые и встраиваются в интерсубъективное пространство социальной реальности.

Таким образом, событийность как мета-основание социального конструирования реализуется в большей степени в трансформационных социальных процессах и направлена на рефлексии и последующие изменения алгоритмов фоновых взаимодействий. При этом событийные социальные практики в сущности своей направлены на формирование нового смысла, интегрированы не только в общий процесс социальной реальности, но особенным образом переплетены с фоном социальных взаимодействий. Институционализируясь, они перерастают в алгоритмы привычных действий субъекта и продолжают субъективацию уже в постсобытийном процессе.

Социальное конструирование: производство повседневного опыта

Повседневное существование субъекта глубоко ассимилировано культурными и аксиологическими основами социальной реальности, направлено на поддержание телесности субъекта в социальном мире здесь и сейчас и условий субъектного восприятия [21, с. 27]. Повседневный опыт связан с телесностью субъекта, является способом присутствия субъектной телесности в социальной реальности. Жизненная элементарность и природно-онтологический вес повседневности фундируют социокультурное пространство процесса субъективации. Так как телесность человека во многом обусловлена восприятием, можно сказать, что этот опыт в отличие от событийных практик скорее лишь производит эффект реальности всего происходящего вокруг субъекта, эффект реальности существования самого субъекта.

Пребывая в диалектических отношениях с событийностью, повседневность неоднозначна и как социальный феномен. Она скорее может выступить гибридом, который относится одновременно к физическому, биологическому и социальному мирам. Социальная специфика повседневности заключается в том, что ее единство обеспечивается фоном социальных взаимодействий. Посредством телесности субъект интегрируется в социальную реальность, вписывает себя в структуры социального времени и пространства, воспроизводит и тем самым поддерживает фон социальной реальности. В репликации фона субъект укореняется в мире, и одновременно в процессе производства повседневного опыта происходит конструирование его телесности – социального тела человека.

Если событийность выстраивает высокие практики социального конструирования: институционализацию и легитимацию, и делает это в тесной связи с научным знанием, то повседневность в большей мере направлена на опривычивание новых действий и практик, она зиждется на стыке естественного и социального знания (как искусствен-

ного). При этом повседневные практики отличает предельная прагматичность. В поле повседневности фактичность значения тех или иных слов и действий конкретна, в отличие от событий, где в процессе конструирования преднамеренных действий скорее срабатывает общий культурный контекст значений. В повседневности значения читаются здесь и сейчас, в конструировании событийных практик значения читаются заранее, поэтому в большинстве случаев оно опирается на научное знание и типизацию, являющуюся одним из маркеров опривычивания. Адекватность поведения конкретного человека в повседневном взаимодействии с общественным миром заключается вовсе не в возможности описать происходящее, отрефлексировать и в последующем оптимизировать, а лишь в возможности правильно совершать действия [22, с. 125].

В специфике повседневности как реальности «*crag excellence*» реальность и знание выступают в единстве, но это единство обеспечивается несколько иначе, чем в событийных социальных практиках. Повседневная реальность воспринимается как истинная, на веру, самым непроблематичным образом. И. Гоффман обращает внимание, что такая вера срабатывает реверсивно, на фоне доверия к случившемуся [10]. Хотя это знание сугубо прагматического характера, оно требует постоянного практического подтверждения, что все происходит как и всегда происходило, а значит, реально. Как только знание перестает срабатывать на практике, вся система доверия рушится. Хотя для исследователя производства повседневного опыта именно такие сбои обнаруживают повседневные практики и делают их доступными для изучения.

Повседневная реальность – глобальная социальная практическая сложная и невероятно хрупкая в своем воспроизведении конструкция. Ее непроблематизированность и естественность лишь одна из граней существования. Повседневная реальность встроена в социальные процессы, которые влияют на ее устройство и практическую реализацию в условиях всевозрастающей социальной динамики. Социальная реальность процессуальна, ее изменения постоянно производят эффект устаревания знаний алгоритмов привычных действий.

Если непроблематизированность повседневности – явление незаметное для восприятия и сознания субъекта, то сбои в производстве повседневного опыта – напряженный для сознания субъекта случай. Напряжение усиливается как непосредственной связью с телесностью субъекта, так и необходимостью быстро находить решение. В такие моменты сказывается фундаментальный социальный характер повседневности: несмотря на то, что любой сбой устойчивой практики выносит субъекта в поисках нового алгоритма за скобки практики на иные социальные уровни, сбой повседневной практики является внутренним нарушением процесса производства повседневного опыта. Переключение восприятия субъекта или канала социальной ситуации или какие-либо трансформационные процессы оставляют повседневное повседневным до тех пор, пока существует телесность субъекта. Это объясняется тем, что в социальных процессах, связанных с биологическим телом человека и построением его социальной телесности (образа его тела), нет никакой дистанции, нет повода как такового для рефлексии, для остановки. В связи с жесткой фундированностью производства повседневного опыта телесностью субъекта дискурсивность повседневности слабо выражена. Она часто конструируется сбоями или исследовательской диспозицией и представляет собой дискретный поток поддающихся рационализации микроскопических социальных кадров. Например, как это видно в исследовательских выкладках Т. П. Ван Тиеновена, микроскопия исследования субъектной диспозиции в повседневной социальной интеракции может дойти до уровня гомеостатической регуляции или многодневных многократных проверок наличия субъектного желания взаимодействовать [23, 24].

В процессе сборки социальной телесности как основы для восприятия социальной реальности и нулевой точки возможна определенная трансформация, когда ощущения и восприятия тела биологического переходят в разряд представлений социальной телесности. Конечно, вряд ли возможно отстранение от собственной телесности в производстве повседневного опыта в пределах социальной нормы, но минимальные изменения в процессе такой трансформации информации из мира физического в знание мира социального имеет место. С одной стороны, производство повседневного опыта – это социальный перевод естественно необходимого. Однако, с другой стороны, повседневность – это уровень социального взаимодействия. Она существует во взаимодействии с иными уровнями социальной реальности и так же как они схватывает общие тенденции динамики современных социальных процессов. Подобно любой социальной практике повседневные практики многослойны и многоканальны. Так мы можем наблюдать сегодня, как форму повседневной социальной практики можно использовать для реализации социальных практик, не направленных на выживание субъектной телесности.

Таким образом, современные условия состояния общественного мира не позволяют понимать повседневность как данную по умолчанию косную и непроблематизированную социальную среду человеческого обитания. «Повседневная реальность, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [5, с. 12]. Это значит, что, несмотря на большой объем нерелексированного и перформативного в обыденном знании, интерсубъективный социальный мир каким-то образом обеспечивает условия для конструирования процессов субъективации и социальной реальности на повседневном уровне.

Проблема, которая преследуется в повседневных практиках, – это часто не избыточность или недостаточность социальной реальности и процесса субъективации, которые А. Е. Смирнов усматривает как условия трансформационных социальных процессов [11], а достаточность этих процессов. Необходимость в трансформационных корректировках в повседневности возникает в моменты сбоя – недостаточности знаний для действия в условиях изменившейся социальной реальности. Избыточность субъекта в повседневных социальных практиках заключается в постоянной необходимости вписывать свое тело в социальный строй вновь и вновь. При этом знание алгоритмов фоновых действий во многом может создавать и поддерживать эффект реальности происходящего за счет этой практической достаточности.

Возможность индивидуализации в фоновом поведении для субъекта кроется в уникальности собственного восприятия и применения на практике фона привычных действий. Это указывает на то, что приобретаемые субъектом и накопленные социализирующей группой знания находятся в постоянном взаимодействии и взаимодополнении, что, в свою очередь, означает, их открытость друг другу, открытость к изменениям.

Восприятие субъекта телесно фундировано и является основой для конструирования его социальной телесности. Свобода восприятия закладывает характерную тенденцию повседневных практик – внутренние и внешние изменения. Восприятие основывает первичный уровень социальных взаимодействий в самом широком диапазоне: с телесностью субъекта, с Другим субъектом или вещью. Повседневность совершается субъектом от своего и только своего лица здесь и сейчас. И. Гоффман подчеркивает, что повседневность – единственный слой мира социальных взаимодействий, который по причине телесной «срощенности» с физическим и биологическим миром не может быть сфабрикован [10]. Обратное верно, то есть иные уровни социальных взаимодействий могут быть сфабрикованы, и так как они влияют на фоновые повседневные прак-

тики, может произойти подмена физиологии и биологии выживания – естественной основы «целеполагания» повседневных действий – социальными интерпретациями. Например, выживание как находиться online, выживание как потребление продуктов, брендов. Выживание искусственно обогащается качеством выживания.

Несмотря на то, что алгоритмы привычных действий считываются применительно к прагматике человеческого тела, основанием для считывания всегда выступает социальная среда, точнее ее аксиологическая структура. Повседневная реальность организует субъекта и его восприятие во времени и пространстве здесь и сейчас вокруг его тела – нулевой точки отсчета для чтения происходящего вокруг. Однако такие практики всегда направлены на социальную легитимацию природного. Перформативность субъекта в повседневных практиках не только организует восприятие интерсубъективной повседневной реальности лицом-к-лицу с Другим и обеспечивает взаимодействие с миром вещей как подручных, но и с долей свободы создает условия для интерпретации и самоинтерпретации и поведения в моменты сбоя фреймированной повседневной реальности. Так, повседневное действие оказывается больше, чем буквальное осуществление природных интенций. В этой первичной избыточности повседневность раскрывает себя как социальный процесс с конструктивным и трансформационным потенциалом. Хотя из указанных выше этапов социальных практик: принятие, поддержание и трансформация, в большей мере повседневность акцентирована на первых двух.

Повседневный субъект – звено модели интегрального целостного субъекта, конструирующего социальную реальность в процессе становления своего социального бытия. В производстве повседневных практик его становление лишь начинается.

Выводы

Повседневные практики, так же как и событийные, являются неотъемлемым элементом окружающей нас действительности. Рассмотрев особенности социального конструирования в рамках интегративных полей повседневности и событийности, можно говорить об их диалектической природе и непосредственном взаимообусловленном взаимодействии. Особенности конструктивистских характеристик выше обозначенных социальных практик представлены в таблице ниже.

Подводя итог, можно сделать вывод, что событийность и повседневность посредством социальных практик реализуют два глобальных процесса социального конструирования – изменчивость и преемственность. Событийные и повседневные социальные практики являются диалектичными по своей природе: они взаимно дополняют друг друга, разносторонне обеспечивая процесс субъективации. Повседневные практики фундируют событийные практики и выступают необходимой предпосылкой для их реализации. В то же время они являются логическим социальным продолжением институционализации тех ценностных ориентиров, которые задаются в рамках события.

Несмотря на явные различия, представленные в статье интеграционные поля действуют в одной системе координат и могут быть обозначены в рамках одних определяющих категорий: дискурсивности, перформативности, знания, взаимодействия, интенциональности, пространственно-временной диспозиции и диспозиции в социальной реальности.

Событийность носит ярко выраженный дискурсивный характер, предполагает целенаправленное осмысление и рефлексия, в то время как повседневные практики протекают в режиме «автопилота», демонстрируя слабую степень осознанности. Перформативность событийных практик театрализована, преднамеренно сконструирована, имеет четко заданную структуру и цели, в то время как повседневные практики вклю-

чают в себя привычные действия обыденного характера. Повседневность предполагает обращение к типичным для субъекта объектам и субъектам, которое носит регулярный характер, в отличие от событийности, где субъекты и объекты требуют конвергенции нового знания и опыта в связи с их новизной. Социальное взаимодействие не является исключением в выявленной ранее дихотомии событийности и повседневности: первая предполагает новые взаимодействия, либо взаимодействия новыми путями, вторая социальная практика имеет дело с репликацией привычных взаимодействий. Интенциональность и диспозициональность приобретают в событийности чёткие черты осознанности восприятия и рефлексивности накопленного опыта. Тенденции повседневных практик субъективации основаны на присутствии телесности субъекта, его действиях здесь и сейчас, репликации существующего фона социальных взаимодействий. Пространственно-временная диспозиция событийных социальных практик затрагивает все три условно выделяемые временные формы – прошлого, настоящего и будущего, в отличие от повседневных практик, сосредоточенных на настоящем и имеющих некоторый трансформационный потенциал лишь в моменты сбоев в работе привычных алгоритмов.

Таблица. Конструктивистские характеристики социальных практик в поле событийности и повседневности

Table. Constructivist particularities of social practices: scope of eventness and everydayness

Событийность Eventness	Конструктивистская характеристика социальных практик Constructivist particularities of social practices	Повседневность Everydayness
Сильно выражена Strongly marked	Дискурсивность Discursivity	Слабо выражена Feebly marked
Преднамеренные действия Voluntary actions	Перформативность Performativity	Привычные действия Habitual actions
Специальное/Special	Знание объектов Knowledge of objects	Подручное/Operative
Продуктивные/Productive Носят новый характер Considering new knowledge	Отношения, выстраиваемые с объектами Relationships with objects	Репродуктивные/Reproductive Носят привычный характер Considering ordinary knowledge
Опосредованное/Indirect Ограниченное во времени Time-limited	Социальное взаимодействие Social interaction	Лицом к лицу/Direct Постоянное/Regular
Рефлексивная/Reflective	Интенциональность Intentionality	Природная/Natural
Сознание/Consciousness	Диспозиция в социальной реальности Disposition in the social reality	Присутствие/Presence Телесность/Embodied subject
Интеграция прошлого, настоящего и будущего Integration of past, present and future	Пространственно-временная диспозиция Spatiotemporal disposition	Фокусирование на настоящем, «здесь и сейчас» Focused on present time «here and now»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Testa I. Dewey's Social Ontology: a Pragmatist Alternative to Searle's Approach to Social Reality // International Journal of Philosophical Studies. – 2016. – № 25 (1). – P. 40–62.
2. The Phenomenological Approach to Social Reality: History, Concepts, Problems / Eds. A. Salice, H.B. Schmid. – Copenhagen, Vienna: Springer International Publishing, 2016. – 379 p.

3. Latour B., Venturini T., Jensen P. Fill in the Gap. A New Alliance for Social and Natural Sciences // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2015. – V. 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/278030227_Fill_in_the_Gap_A_New_Alliance_for_Social_and_Natural_Sciences (дата обращения 02.08.2018).
4. Fusari A. Understanding the course of social reality. – Rome, 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/311618119_Understanding_the_course_of_social_reality (дата обращения 02.08.2018).
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
6. Серль Дж. Р. Конструирование социальной реальности. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm> (дата обращения 02.08.2018).
7. Дуреев С.П., Дуреева Н.С. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Философские науки. – 2016. – № 3. – Вып. 39. – С. 21–25.
8. Черникова И.В. Эволюция субъекта научного познания // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 65–75.
9. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. – 2017. – № 8. – С. 100–112.
10. Гоффман И. Анализ фреймов: (Эссе об организации повседневного опыта). – М.: Ин-т социологии РАН, ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. – 752 с.
11. Смирнов А.Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. – Иркутск: НЦРВХ СО РАН, 2011. – 306 с.
12. Лукьянова Н.А. Метафизика события // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (философия). – 2007. – Вып. 11 (74). – С. 11–18.
13. Грякалов А.А. Философия события и герменевтика памяти: свидетельства утверждения // Slavica Tergestina. – 2017. – № 18. – С. 30–57.
14. Чибир Е.В., Макарова Е.Е. Традиционные паттерны российской и европейской культур как базис для дифференциации содержания специальных событий // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10005> (дата обращения 17.08.2018).
15. Пилюгина Е.В. «Событие» как ключевой концепт постижения современной социальной реальности: семантические и ментальные акценты // Studia Humanitatis. – 2013. – № 3. – С. 20–35. URL: <http://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-sobytie-kak-klyuchevoy-koncept-postizheniya-sovremennoy-socialnoy-realnosti> (дата обращения 02.08.2018).
16. Каверина Е.А. Событийные коммуникации в пространстве культуры XX века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2014. – № 2. – С. 151–153.
17. Chibir E., Shirko T. Event Tourism in Russian Region: Opportunity for Small-scale Business Growth // Procedia Economics and Finance. – 2015. – V. 26. – P. 183–187.
18. Rizo Garcia M. Reality construction, Communication and daily life – an approach to Thomas Lukmann work // Rev. Bras. Ciênc. Comun. – 2015. – V. 38. – № 2. – P. 19–38. URL: http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S1809-58442015000200019&script=sci_arttext&lng=en#aff01 (дата обращения 02.08.2018).
19. Kochan J. Science as Social Existence: Heidegger and the Sociology Scientific Knowledge. – Cambridge: Open Book Publishers, 2017. – 444 p.
20. Zizek S. The Tree events of Philosophy // International Journal Zizek Studies. – 2016. – V. 7. – № 1. – P. 1–25.
21. Фаненштиль Т.В. Методология социально-философского анализа пограничного характера повседневности // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 26–30.
22. Фаненштиль Т.В. Повседневное взаимодействие социальной реальности и субъекта (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2017. – 190 с.
23. Van Tienoven T.P., Glorieux I., Minnen J. Exploring the stable practices of everyday life: a multi-day time-diary approach // The Sociological Review. – 2017, January. URL: https://www.researchgate.net/publication/313016330_Exploring_the_stable_practices_of_everyday_life_A_multi-day_time-diary_approach?ev=prf_high (дата обращения 02.08.2018).
24. Van Tienoven T.P. Daily routines. Studying temporal structures and the organization of everyday life: Dissertation. – Brussel, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/313165008_Daily_routines_Studying_temporal_structures_and_the_organisation_of_everyday_life (дата обращения 02.08.2018).

Поступила 20.08.2018 г.

SOCIAL CONSTRUCTION: EVENTNESS AND EVERYDAYNESS

Tatiana V. Fanenshtil¹,
fan_tan@mail.ru

Elena V. Chibir¹,
chibirelena@rambler.ru

¹ National Research Tomsk State University
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

Tatiana V. Fanenshtil, Cand. Sc., senior lecturer, National Research Tomsk State University.

Elena V. Chibir, graduate student, National Research Tomsk State University.

*In the state-of-the-art world the social processes development is characterized in terms of growing dynamics and it is following the course of increasing complexity. The role of the subject and those of the subjectivation is increasing in a social being generation. The mentioned above is closely related to the fact that knowledge is receiving priority in social processes construction. In the context of contemporary pragmatic socio-ontological approaches social construction is considered as a process of social practices transformation. **The aim** of the article is to discern the social construction by means of event and everyday practical dynamics based on subjectivation and social reality interaction. **Methodology** of the investigation is founded on fundamental concepts and procedures of pragmatic socio-ontological approach, practice theory and comparative analysis conjunction. Dialectic of eventness and everydayness in the process of social practices, evolving through the stages of adoption, maintenance and transformation, is a methodological condition of the research. **Conclusions.** Event practices possess potential of social construction and social transformation in consequence of more marked discursiveness, collective and individual intentionality, organized nature, reflexivity. Everyday practices as a border social zone of the embodied subject and social body interaction supposed to be less discursive and reflexive in comparison with event ones. Social construction in everyday practices is of limiting pragmatic and targeted at background of social interaction maintaining. The balance of the social in the process of construction is achieved by means of dialectic meaningful cooperation of eventness and everydayness.*

Key words: Social reality, subjectivation, intersubjectivity, social construction, eventness, everydayness.

REFERENCES

1. Testa I. Dewey's Social Ontology: a Pragmatist Alternative to Searle's Approach to Social Reality. *International Journal of Philosophical Studies*, 2016, no. 25 (1), pp. 40–62.
2. *The Phenomenological Approach to Social Reality: History, Concepts, Problems*. Eds. A. Salice, H.B. Schmid. Copenhagen, Vienna, Springer International Publishing, 2016. 379 p.
3. Latour B., Venturini T., Jensen P. Fill in the Gap. A New Alliance for Social and Natural Sciences. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2015. vol. 18. Available at: https://www.researchgate.net/publication/278030227_Fill_in_the_Gap_A_New_Alliance_for_Social_and_Natural_Sciences (accessed 2 August 2018).
4. Fusari A. *Understanding the course of social reality*. Rome, 2016. Available at: https://www.researchgate.net/publication/311618119_Understanding_the_course_of_social_reality (accessed 2 August 2018).
5. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti* [Social construction of reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.

6. Serl Dzh. R. *Konstruirovaniye sotsialnoy realnosti* [Constructing social reality]. 1999. Available at: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm> (accessed 2 August 2018).
7. Dureev S.P., Dureeva N.S. Constructing social reality in the context of modern world development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Filosofskie nauki*, 2016, vol. 3, no. 39, pp. 21–25. In Rus.
8. Chernikova I. V. The evolution of the subject of scientific knowledge. *Voprosy filosofii*, 2014, vol. 8, pp. 65–75. In Rus.
9. Trufanova E. O. Me as reality and as a construction. *Voprosy filosofii*, 2017, vol. 8, pp. 100–112. In Rus.
10. Goffman I. *Analiz freymov: (Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta)* [Frame analysis: (Essay on organization of everyday experience)]. Moscow, RAS Sociology Institute Press, 2003. 752 p.
11. Smirnov A.E. *Processy subektivatsii: teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Subjectivization processes: theoretical and methodological aspects]. Irkutsk, NCRVH SO RAMN Publ., 2011. 306 p.
12. Lukyanova N.A. Event metaphysics. *Vestnik TGPU, Seriya: Gumanitarnye nauki (filosofiya)*, 2007, vol. 11 (74), pp. 11–18. In Rus.
13. Gryakalov A.A. Event philosophy and memory hermeneutics: evidence of affirmation. *Slavica Tergestina*, 2017, vol. 18, pp. 30–57. In Rus.
14. Chibir E.V., Makarova E.E. Traditional patterns of Russian and European cultures as a basis for differentiating the content of special events. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, vol. 4. In Rus. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10005> (accessed 2 August 2018).
15. Pilyugina E.V. «Event» as a key concept of comprehension of modern social reality: semantic and mental accents. *Studia Humanitatis*, 2013, vol. 3, pp. 20–35. In Rus. Available at: <http://sthum.ru/content/pilyugina-ev-sobytie-kak-klyuchevoy-koncept-postizheniya-sovremennoy-socialnoy-realnosti> (accessed 2 August 2018).
16. Kaverina E.A. Event communication in the space of culture of the XX century. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2014, vol. 2, pp. 151–153. In Rus.
17. Chibir E., Shirko T. Event Tourism in Russian Region: Opportunity for Small-scale Business Growth. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 26, pp. 183–187.
18. Rizo Garcia M. Reality construction, Communication and daily life – An approach to Thomas Lukmann work. *Rev. Bras. Cinc. Comun*, 2015, vol. 38, no. 2, pp. 19–38. Available at: http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S1809-58442015000200019&script=sci_arttext&tlng=en#aff01 (accessed 2 August 2018).
19. Kochan J. *Science as Social Existence: Heidegger and the Sociology Scientific Knowledge*. Cambridge, Open Book Publishers, 2017. 444 p.
20. Zizek S. The Tree events of Philosophy. *International Journal Zizek Studies*, 2016, vol. 7, no. 1, pp. 1–25.
21. Fanenshtil T.V. Metodologiya sotsialno-filosofskogo analiza pogrannichnogo kharaktera povsednevnosti [Methodology of social and philosophical analysis of the border nature of everyday life]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Private and public in the daily life of the population of Russia: history and modernity. Proc. of the international scientific conference]. St-Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2018. Vol. 1, pp. 26–30.
22. Fanenshtil T.V. *Povsednevnoe vzaimodeystvie sotsialnoy realnosti i subekta (sotsialno-filosofskiy analiz)*. Dis. Kand. nauk [Everyday interaction of social reality and subject (sociophilosophical analysis) Cand. Diss]. Barnaul, 2017. 190 p.
23. Van Tienoven T.P., Glorieux I., Minnen J. Exploring the stable practices of everyday life: a multi-day time-diary approach. *The Sociological Review*, 2017, January. Available at: https://www.researchgate.net/publication/313016330_Exploring_the_stable_practices_of_everyday_life_A_multi-day_time-diary_approach?ev=prf_high (accessed 2 August 2018).
24. Van Tienoven T.P. *Daily routines. Studying temporal structures and the organization of everyday life*. Dr. Diss. Brussel, 2017. Available at: https://www.researchgate.net/publication/313165008_Daily_routines_Studying_temporal_structures_and_the_organisation_of_everyday_life (accessed 2 August 2018).

Received: 20 August 2018.